

**SHAPKA,
BABUSHKA,
KEFIR**

ТАНЯ МАЙЕР
**ШАРКА,
БАБУШКА,
КЕФИР**

**КАК ВОСПИТЫВАЮТ ДЕТЕЙ
В РОССИИ**

МОСКВА

2017

УДК 649.1
ББК 74.200.25
М14

Художественное оформление
Андрея Рыбакова

Перевод *Анны Шур*

TANJA MAIER «MOTHERHOOD, RUSSIAN-STYLE»

Майер, Тانيا.
М14 Шарка, babushka, kefir. Как воспитывают детей в России / Тانيا Майер. – Москва : Индивидуум паблишинг, 2017. – 301, [3] с. – (Дети).

ISBN 978-5-9908862-0-9

Много лет назад Тانيا Майер выучила русский и приехала покорять Москву. Она завела новых друзей, построила карьеру, влюбилась, у нее все получалось. Только дальше все пошло не так гладко: мужчина, с которым у Тани был роман, испарился, узнав, что она ждет от него ребенка.

Первый год материнства в чужой стране дался Тани совсем не просто, но ее книга не о тяготах жизни матери-одиночки. И даже не о приключениях американки в России. Это внимательное, заинтересованное, ироничное размышление о том, как устроено русское материнство. В каких традициях мы воспитываем детей? Что мы на самом деле ценим? Как мы сами себя видим? И главное — чему стоит у нас поучиться? Об этом и многом другом — книга матери уже троих детей Тани Майер.

УДК 649.1
ББК 74.200.25

ISBN 978-5-9908862-0-9

© Tanja Maier, 2015.
© ООО «Индивидуум паблишинг», 2017.

Таня Майер — американка, живущая в Вене, мама троих детей. В начале двухтысячных она решила отправиться работать в Москву — и осталась на несколько лет. Из России она уехала уже с полуторагодовалым сыном, которого растила здесь одна, пока не встретила своего нынешнего мужа. Ее книга — это не советы молодым мамам и даже не рассказ о собственном опыте, это попытка объяснить и показать ни много ни мало, как устроена традиция воспитания детей в России и чем она отличается от западной. По-английски книга вышла в 2015 году, и уже через год издательство *Individuum* публикует ее по-русски.

Понятно, почему эта книга могла заинтересовать западных читателей, но, казалось бы, зачем она нам, русским мамам? Тем более что Танино исследование не может претендовать на полноту,

ведь в нем она опирается в основном на рассказы вполне состоятельных москвичек или их не менее успешных соотечественниц, живущих с семьями в Европе и Америке. Что нового мы можем из этого рассказа узнать про воспитание? Вроде бы ничего. И все-таки благодаря Тане мы можем взглянуть на себя со стороны, что всегда полезно. Сравнить с западными «коллегами» и даже обнаружить, что мы — кто бы мог подумать! — серьезнее относимся к детской диете, чаще наряжаемся и красимся, умеем принимать помощь мам и свекровей, готовы вынуть душу из любого педиатра, прежде чем дать ребенку прописанное лекарство, не боимся путешествовать с детьми по всему миру, реже ругаем мужей, что мы гибкие и разумные, всегда готовы встретить любые перемены во всеоружии и вообще молодцы.

Да, разумеется, это только верхушка айсберга, да, в книге не описаны орущие, пьющие, бьющие детей родители, но это не отменяет ценности Таниного взгляда. Она посмотрела на нас с любопытством, иронией, а главное, с симпатией и блестяще изложила полученные впечатления в своей книге.

Анна Шур

Маме Оле, лучшей матери на свете.

Моему любимому.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я пишу предисловие к русскому изданию этой книги и думаю о реакции, которую вызвала ее публикация по-английски. Главными читателями, почитателями и критиками книги *Motherhood, Russian-style* стали именно русские мамы по всему миру. «Почему вы так хотите читать про самих себя? — удивлялась я. — Что такого нового я могу вам рассказать о дачах и кашах, шапках и прогулках в десятиградусный мороз?» Как выяснилось, моим русским читательницам было очень интересно, что я, иностранка, могу о них понять и рассказать. Многие писали мне, что показывали эту книгу своим английским, американским, немецким мужьям и свекровям со словами: «Вот, я не сумасшедшая, у нас все так делают!» Писали, как им было приятно читать про русских

что-то хорошее, особенно учитывая сильно ухудшившиеся отношения России с Западом. Рецензии на книгу вышли в нескольких изданиях, и я давала им интервью, снова и снова объясняя, что действительно считаю российский подход к воспитанию очень интересным, необычным и, безусловно, заслуживающим того, чтобы о нем написать.

Моя книга не претендует на полноту — разумеется, все семьи разные, но, по-моему, мне удалось нащупать некоторые общие для современных русских (не по национальности, а по культурной принадлежности) мам ценности и традиции. Вот о них и пойдет речь.

Но прежде чем вы приступите к первой главе, я бы хотела рассказать о том, как в моей жизни появилась Россия.

Я свободно говорю по-русски, и до сих пор помню свой первый потрепанный учебник *Russian for Everybody*, по которому занималась в Джорджтаунском университете. По паспорту я американка, во мне течет канадская и сербская кровь, но именно в Москве я чувствую себя как дома. Мой муж — австриец, дети не говорят по-русски, но в наш семейный лексикон проч-

но вошло русское слово «давай». «*Davaj!*» — подгоняю я детей, когда на часах уже 7:38, а они все еще вяло ковыряют завтрак. «*Davaj!*» — восклицает мой муж, когда пора уходить домой с прогулки... Но я забегая вперед.

В августе 1999 года мне было 23. Я ушла со своей работы на Уолл-стрит и купила билет в Москву в один конец. На моем банковском счету лежало 18 000 долларов, а в сумке — листок с собранными по друзьям и знакомым телефонами владельцев квартир, готовых сдать комнату американке. К счастью, первой же откликнулась «мама Оля», мама моей будущей лучшей подруги Сони, одной из героинь этой книги. Мы встретились на Маяковской. Мама Оля, художница 50 лет, поприветствовала меня, достав из кармана горстку семечек. Был конец августа, последние благословенные дни лета, и пока мы шли по шумному Садовому, я вдруг почувствовала, что переезд в Россию, на другую сторону Земли, был абсолютно правильным решением.

Несколько лет я жила и работала в России. Весной 2005-го я вернулась в Америку, чтобы учиться в Гарвардской бизнес-школе. И сразу начала скучать по московской веселой жизни.

Мне совсем не нравилось сидеть в огромной аудитории... Так что летом 2005-го я с радостью отправилась в Лондон на стажировку от американского банка.

07.07.2005, в день, когда в Лондоне прогремели взрывы, я поняла, что у меня задержка. Все аптеки были закрыты из-за террористической угрозы, так что свой первый в жизни положительный тест на беременность я увидела на следующее утро, в туалете торгового центра. В тот день я выкинула пачку тоненьких сигарет *Vogue* (еще одна московская привычка) и сообщила будущему отцу радостную новость.

Тут надо отметить, что, собственно, биологический отец моего сына и организовал ту стажировку. Мы много лет периодически встречались, хотя он был женат. Не могу сказать, что я этим горжусь, но, во-первых, я была молода, а во-вторых, суть не в этом. Он сидел на скамейке в торговом центре совершенно раздавленный новостями. Следующие несколько недель он уговаривал меня на аборт. Готов был даже оплатить мой перелет в Нью-Йорк, чтобы там все «нормально сделали». Я отказалась, и он просто испарился. Навсегда.

Ребенка я решила сохранить. Мне очень повезло: тем же летом я нашла работу в крупнейшей в России сети супермаркетов. Они только вышли на IPO, и им нужен был кто-то для переговоров с западными акционерами. Перед тем как принять их предложение, я связалась с Гарвардом и спросила, какой они могут дать студентке MBA отпуск по уходу за ребенком. «Занятия можно пропускать в течение пяти дней», — ответили мне и добавили, что жить придется в той же комнате в общежитии, что и раньше, деля ванную с соседкой. Так что в каком-то смысле Гарвардская бизнес-школа приняла решение за меня. Русским владельцам компании я сказала, что беременна, и надо отдать им должное: они совершенно не впечатлились. Даже когда я сообщила, что рожать уеду в США. Впрочем, пообещав, что постараюсь сократить декрет до минимума.

Проматываем вперед... Я встретила свою любовь, когда сыну был почти год. Я писала бриф для инвесторов о российском рынке ценных бумаг. После совещания мой будущий муж подошел ко мне и предложил встретиться, когда я буду в следующий раз в Лондоне.

Я и правда через пару месяцев оказалась в Лондоне и отправилась на встречу, наивно полагая, что мы будем обсуждать акции Газпрома и Лукойла, но оказалось, что это наше первое свидание. К тому моменту, как мы с сыном переехали в Лондон, я уже была на седьмом месяце, дочь родилась в январе 2008-го. В 2010-м я снова стала мамой. Мой муж — законный и единственный отец моего сына. В 2013-м мы с ним и тремя детьми переехали в Вену.

У этой истории счастливый конец, но я все время мысленно возвращалась к началу. И в Лондоне, и в Вене я вспоминала тот первый бессонный московский год. Я вернулась из Цинциннати с двухмесячным сыном, пережив роды в полном одиночестве. Мама и сестра отвезли меня в больницу в 10 вечера и появились с утра, чтобы торжественно обрезать пуповину. Я никогда не забуду, как мне было плохо в ту ночь совсем одной. Много разного со мной случалось в жизни, но этот опыт ни с чем не сравним. Во время схваток я звонила по мобильному своей московской подружке и заставляла ее клясться, что она всегда, всегда будет использовать презервативы!

Работа не останавливалась ни на секунду: журналисты, аналитики, инвесторы звонили мне в американскую больницу по ночам — работала-то я на Москву! Вернувшись, я тут же вышла на полный график, так и не успев отдохнуть и отоспаться. Еще до этого я прочувствовала, каково это — бросать крошечного младенца: когда сыну был месяц, мне пришлось лететь со своим начальством на переговоры в Стокгольм, Лондон и Нью-Йорк, оставив ребенка дедушке и няне в Аризоне. А теперь я бросала его каждый день — даже без всяких командировок я уходила с утра и возвращалась вечером. В книге я подробно рассказываю про своих нянь, которые спасали меня в этот период, но все равно это была очень трудная жизнь, полная переживаний и чувства вины перед сыном, которого я почти не видела.

В этот первый год я училась быть мамой-одиночкой, и окружающие меня женщины всегда готовы были помочь — и делом, и словом. Некоторые советы были очень хороши, некоторые казались мне совершенно безумными, но главное, что я узнала — нет никакого «правильного» способа растить ребенка. Я нау-

чилась слушать моих русских подруг в том, что казалось мне разумным, и не обращать внимания на все остальное, как бы убедительно ни звучали аргументы.

Когда я уехала в Лондон из Москвы, беременная и с маленьким ребенком, мне опять нужно было учиться — быть не только матерью, но и женой, а потом — почти сразу — я оказалась мамой погодок, и все это в совершенно новом для меня окружении. Лондонские мамы меня пугали. Они твердо знали, что, как и когда положено делать с ребенком. Они всерьез объясняли, что если ты с рождения не записал младенца в правильное учебное заведение («После родов я сначала позвонила в Уэзерби¹, а потом уже маме!»), то жизнь его, несомненно, пойдет под откос.

В последующие годы я, конечно, привыкла к английскому и американскому стилю воспитания. Я так и не вернулась к работе, влилась

¹ *Wetherby* — престижная лондонская частная школа для мальчиков, которая по традиции записывает по пять детей каждый месяц: чья мама первой позвонит, того и внесут в списки будущих учеников. (Здесь и далее примеч. пер.)

в круг лондонских обеспеченных домохозяек, записала дочерей и сына в сады и школу, в общем, разобралась, что к чему, и научилась получать от этой жизни удовольствие.

В 2013-м мы переехали в Вену, и я познакомилась с несколькими русскими семьями. А потом моя любимая московская подруга Соня (та самая, которой я звонила с воплями про презервативы) добавила меня в «секретную» фейсбук-группу, на которую были подписаны почти 2000 русских мам. Просто потрясающее собрание современных русских женщин, живущих по всему миру — от Сибири до Новой Зеландии. Общение с этими умными, красивыми, образованными мамами не только постоянно напоминало мне о моем московском опыте, но и заставляло размышлять о том, что есть вещи, которым мы, западные женщины, могли бы поучиться у русских. Так и родилась идея книги. Первым делом я сообщила об этом в группе. Кому-то идея нравилась, а одна женщина написала, что вообще не понимает, о чем я... Но я убеждена: есть чисто российские особенности в подходе к воспитанию детей, которые можно и нужно перенимать. Именно об

этом моя книга. И хотя я старалась интервьюировать самых разных с точки зрения возраста, места жительства и социального статуса мам, я прекрасно понимаю, что в этой книге описана только малая часть того, что можно назвать современным русским материнством.

Прошлым летом мы с мужем и детьми отдыхали на юге Австрии, в Каринтии. Мы выкроили время с большим трудом: и вот, длинные выходные на дорогом курорте: ясное небо, белый песок, частный пляж. В солнечном мареве я вижу знакомое лицо: русская мама, с которой я несколько раз пересекалась в Вене.

— Надолго здесь? — спросила она.

— На два дня, а вы?

— На месяц.

— Месяц! — не удержавшись, воскликнула я. — А где твой сын?

— Он в отеле. У него просто урок китайского.

— ?

— Ну, раньше мы проводили все лето в Китае, чтобы он мог заниматься с носителем, но там все-таки совсем плохо с экологией, и мы

пригласили учителя сюда. По утрам у сына китайский. А потом, конечно, он наслаждается купанием.

Я онемела. Этот десятилетний русский мальчик уже свободно говорит по-английски (в Вене он ходит в международную школу), а летом по четыре часа занимается китайским! Я представила, как он с тоской смотрит на голубое озеро, пока учитель мучает его своими иероглифами... Пожелав своей русской знакомой хорошего дня, я вернулась к семье. Сын и дочка счастливо смеялись, плескаясь в теплой воде, а я посмотрела на них и сказала мужу: «Знаешь, милый, мы в полной ж... У наших детей нету шансов. Будущее — за ними».

Март 2016 года, Вена

ГЛАВА 1

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МАТЕРИНСТВА В РОССИИ

Сегодняшние матери, живущие в крупных российских городах, мало чем отличаются от своих западных «коллег». У них есть айфоны и айпады, фейсбук и инстаграм, отличные машины, симпатичные квартиры, опыт зарубежных путешествий. Они расскажут вам, где пообедать в Париже, купить одежду в Лондоне, подробно объяснят, как лучше всего «зимовать» — кататься на лыжах или лежать на пляже — и как вообще устроить себе отпуск в любое время года на любое количество дней. Эти женщины могут выглядеть как мы (и довольно часто лучше, чем мы), но нужно понимать, что в свои двадцать, тридцать или сорок они стали свидетельницами невероятных культурных, политических, экономических из-

менений, таких, которые мы, западные мамы, и представить себе не можем.

Москвичка тридцати с небольшим лет, воспитывающая детей в современной России, сама была рождена в стране, которой больше нет. Единственный опыт, стиль воспитания, которым владела ее мать, — советский. В том, что касается детей, поменялось абсолютно все. Если в СССР все было направлено на то, чтобы женщина могла скорее вернуться на работу, то когда Союза не стало, женщины вынуждены были заново придумывать правила и культурные нормы воспитания. Этот спровоцированный сменой строя вакуум женщины заполняют до сих пор, в том числе за счет Европы и Америки. Сегодняшние русские матери говорят на двух, а то и на трех языках и неустанно изучают и адаптируют к российским реалиям мировой опыт.

Когда я начала обсуждать идею этой книги в фейсбуке, одна из моих собеседниц изложила историю русского материнства в нескольких точных фразах. Елена написала: «Мне кажется, нет никакой “русской системы воспитания”. Был деревенский способ, советский способ,

а теперь есть постоянно обновляющаяся смесь всего этого с западными теориями. Конечно, очень не хватает книги о сильных русских женщинах, героических одиноких матерях, но сможете ли вы ее написать?»

Как и с любой серьезной задачей, сложно заранее сказать, получится или нет, но это не значит, что не нужно пробовать. Недавно мы с моей маленькой (три с половиной года) дочерью посмотрели экранизацию «Анны Карениной»: она слишком долго спала днем, так что вечером субботы мы вместе оказались перед экраном. И вот мы сидим на диване и обсуждаем Анну и Китти. Фильм напомнил мне о том, как относились к воспитанию детей в аристократических семьях в XIX веке. Анна бросает любимого сына, чтобы начать новую жизнь с Вронским, оставляет она и свою маленькую дочь. В конце фильма, когда Анна уже погибла, нам показывают, как Сережа бежит по полю со своей единоутробной сестрой, оба ребенка остались без матери. Каренин смотрит на них издали, на секунду оторвавшись от книги, и, разумеется, не принимает никакого участия в их игре. Это роман про любовь Анны и Врон-

ского, а не про детей, но в любом случае, даже останься Каренина в живых, Сережу и маленькую Аню воспитывали бы няньки.

Много веков подряд девяносто процентов населения России были крепостными, слугами, крестьянами, привязанными к конкретной земле. Поколения русских аристократов вырастили кормилицы и няни. Как пишет Орландо Файджес в своей книге о русской культуре «Танец Наташи»², дворянские дети росли практически в людской — делили спальни с нянями, играли с деревенскими детьми летом и с родителями виделись редко. Взрослея, дворяне всегда вспоминали своих нянь с любовью, а с родителями зачастую так и оставались холодны.

После Революции 1917 года все, конечно, резко изменилось. Новой аристократией постепенно стала советская номенклатурная элита, но и эти дети, пусть неофициально, продолжали расти с проходящими или живущими в доме нянями. Для всех остальных советское

² «Танец Наташи» (*Natasha's Dance*, 2002) — книга Орландо Файджеса, британского специалиста по русской истории, исследующая культуру и историю России от Средних веков до XX века.

правительство создало ясли и детские сады, не столько из заботы о детях, сколько из желания поскорее вернуть женщин «к станку». В эпоху коммунизма большая часть женщин продолжала работать полный день после рождения детей: это было возможно благодаря детским госучреждениям (далеко не всегда хорошим) и участию в воспитании бабушек и дедушек. Жизнь в Советском Союзе была очень простой: даже для того, чтобы просто купить еду или одежду, почти всегда нужно было стоять в бесконечных очередях. В результате многие пары решались только на одного ребенка.

Аборты были обычным явлением и часто единственным средством контрацепции: противозачаточных таблеток было не найти, а о бесполезности советских презервативов знали все. Я отлично помню, как стою на кухне нашего московского офиса, а повариха (да, это было в России, так что и в офисе была своя кухарка, она готовила обед и чай нашему начальнику) рассказывает, сколько у нее было абортов. Советские женщины были убеждены, что главное — сохранить первую беременность, иначе потом будут проблемы с зачатием, а по-

сле того, как ты хоть раз родила, можно делать что хочешь. Даже когда аборты были запрещены (с 1936 по 1955 год), их продолжали делать нелегально. Об абортах говорят достаточно открыто, это не считается чем-то вопиющим. Во время первого УЗИ московский врач сказала мне, что если я хочу прервать беременность, надо подождать недель восемь, «чтобы плод было нормально видно, и мы все убрали». Я чуть не потеряла сознание прямо на кушетке.

Советские дети росли под присмотром нескольких поколений. Например, лето принято было проводить на даче с бабушкой. Детей постарше часто отправляли на лето в пионерлагеря: с их помощью родители решали проблему с каникулами, а государство получало возможность, помимо прочего, донести до детей базовые коммунистические ценности. Школа тоже играла в этом немалую роль, в ней дети вступали сначала в октябрята, потом в пионеры, а затем и в комсомол, осваивая первые ступени советской карьеры.

Занятия спортом, музыкой, рисованием тоже очень поощрялись, но совсем не в американском стиле «пусть все попробуют, мы все

победители». Способных детей отбирали и отдавали в соответствующие секции для дальнейшего обучения. У меня есть подруга 1979 года рождения, которая занималась фигурным катанием с трех лет, и когда ей было шесть, тренеры сообщили матери, что дочь надо отдавать в спортивную школу. Там она сможет выходить на лед каждый день, не особо отвлекаясь на общеобразовательные предметы. Мать моей подруги, университетский преподаватель, предложение отклонила, отдала дочь в языковую спецшколу и таким образом поставила на ее карьере фигуристки жирный крест.

Вторая мировая война отразилась на Советском Союзе самым драматическим образом и унесла больше двадцати миллионов жизней. Люди, рожденные в 1940-е года, сейчас уже стали бабушками и дедушками (или даже прабабушками и прадедушками). Их детство сегодня даже и представить себе сложно. Моя подруга Саша недавно рассказала мне о своем отце, родившемся в 1942 году. Его мать была медсестрой и работала в полевом госпитале. Сначала командование разрешало Сашиной бабушке держать младенца при себе во время работы,

но, когда ему было около трех, в госпиталь его приводить запретили, и матери приходилось на целый день оставлять крошечного ребенка в квартире одного.

Мама Оля, которой посвящена эта книга, родилась в 1948 году, и ее мать довольно быстро осталась одна. Она работала, как и все женщины в это время, так что за маленькой Олей присматривали соседи. Оля с болью вспоминает, как мать прибегала к ней на пять минут во время перерывов — она была официанткой в близлежащем кафе. Чуть позже Олю отдали в детский сад на пятидневку, больше похожую на детский дом, — она жила там всю неделю, и только в субботу вечером мама забирала ее ночевать домой. Оля жила так, пока ей не исполнилось восемь, и мама не отправила ее наконец в начальную школу. Возможно, именно благодаря этому опыту со своей дочкой мама Оля не расставалась, в детский сад ее не отдала и вообще старалась не пользоваться услугами госучреждений в деле воспитания.

Советский Союз со своей не очень хорошо, но все же функционирующей социальной системой рухнул в 1991 году. Девяностые — вре-

мя, когда многие россияне были не уверены в завтрашнем дне, в их жизни все встало с ног на голову, и, разумеется, резко снизилась рождаемость. В советское время матери должны были ходить на работу и заботиться о семье. В России девяностых они должны были делать все то же самое, но в условиях новой рыночной экономики.

Финансовая нестабильность, развалившаяся соцсистема и общая неуверенность родителей, потерявших почву под ногами, — вот атмосфера, в которой воспитывались дети и подростки девяностых. Многие сегодняшние матери помнят этот период, — ведь это они и были теми детьми и подростками, — и стараются обеспечить своим детям «правильное», более «устойчивое» детство.

Двухтысячные стали периодом экономического роста и относительной стабильности, во многом благодаря потоку нефтедолларов, полившемуся в казну под неусыпным присмотром президента Владимира Путина. Рождаемость повысилась, и российские власти даже вернули практику вознаграждения для матерей-героинь, родивших троих и бо-

лее детей. Конечно, компенсация не идет ни в какое сравнение с суммами, необходимыми для воспитания ребенка, но общая тенденция изменилась. Сегодня во многих российских семьях по трое и больше детей — еще десять лет назад это было редкостью.

В начале двухтысячных, когда я жила в России, у меня было ощущение, что все мои подруги воспитаны матерями-одиночками, и все были единственными детьми в семье. Сегодня все не так. Многие матери замужем, многие готовы завести двоих-троих детей. То есть ситуация кардинально поменялась всего за одно поколение, по крайней мере, так это выглядит со стороны.

Удивительно другое. Несмотря на то, что современные матери растят своих детей в совершенно других обстоятельствах, чем воспитывали их самих, представление о том, каким должно быть детство, осталось, в общем-то, прежним. Именно вот эти сохранившиеся несмотря ни на что ценности и привычки мне кажется важным рассмотреть подробно. И при этом внимательно изучить то, как современные российские матери в поисках идеальной

модели воспитания заимствуют что-то из советского, что-то из российского, а что-то из западного опыта.

В следующих главах я буду говорить об особенностях русского (и здесь я, повторяюсь, имею в виду не национальность, а культуру) материнства — от беременности и родов до школы и дальше. Общие черты очевидны, и мне кажется, одна из самых важных особенностей русского материнства, очень сильно отличающая его от западного, — умение принимать помощь. Бабушки и дедушки, няни, детский сад — русские матери убеждены, что, хотя, безусловно, главные в этом деле они, воспитывать детей надо «всем миром».

В Америке, например, семьи часто «размывает» по карте. У мужа сменилась работа — и вот мама с детьми оказывается в другом городе или даже штате, в совершенно новом для себя месте, где нет ни близких родственников, ни друзей. Так что мы, американцы, привыкли растить детей сами, без помощи родных. Бабушки и дедушки существуют, чтобы дарить дорогие подарки на праздники, а мы взамен можем, например, сделать им симпатичный